

Александр БАЛОД

г. Санкт-Петербург

НАШ ШЕКСПИР

«История умеет хранить свои тайны, но, возможно, она их хранит у нас на виду».

Н. Гранцева.

«Герои России под маской Шекспира»

«Шекспировская тайна – не в его биографии, а в его произведениях».

Levi P.

«The Life and Times of William Shakespeare»

«Вопрос, были ли у Шекспира соавторы, – не вопрос. Они были.

Они были.

Вопрос в том, как их обнаружить».

Игорь Шайтанов.

«Шекспир»

Признаюсь, что долго раздумывал, прежде чем взяться за эту тему, – по целому ряду причин. Главной из них, разумеется, является величие самого имени драматурга, Уильяма нашего Шекспира. Многие, конечно, помнят эту реплику худрука, которого мастерски сыграл Евгений Евстигнеев, из замечательного советского фильма «Берегись автомобиля». Неужели же Шекспир действительно наш – не только в переносном, но и в прямом значении этого слова?

Книга Натальи Гранцевой «Герои России под маской Шекспира» состоит из двух частей. В первой из них – «Семь шедевров – семь загадок» – она делится самобытным авторским видением некоторых из величайших пьес драматурга, таких как «Гамлет», «Ромео и Джульетта» и «Отелло». Вторая часть – «Московиты в Британии» – целиком посвящена предмету, который, собственно, и вынесен в заголовок книги.

Сначала о первой части, которая представляет интерес и как самостоятельный сборник эссе о пьесах Шекспира, и как своего рода введение, подготавливающее читателя к знакомству с главной тайной, завесу над которой приоткрывает нам вторая, наиболее загадочная часть книги. Читателям, интересующимся творчеством Шекспира, казалось бы, не привыкать к сенсациям, которыми нас с завидным постоянством балуют шекспироведы. В большей степени они связаны с личностью самого Шекспира и в меньшей – с его творчеством; порой даже создается впечатление, что эти темы между собой никак не связаны. Между тем, как справедливо пишет исследователь П. Леви, «шекспировская тайна – не в его биографии, а в его произведениях»².

Но книгу Гранцевой упрекнуть в забвении этой простой истины невозможно, потому что именно в ней разгадка тайны личности Шекспира прямо связана с интерпретацией его текстов. Казалось бы, мы знаем об Уильяме Шекспире практически все; но, ознакомившись с очередной новой работой о нем, убеждаемся, что не знаем практически ничего. Или, точнее, не знаем самого главного – того, что и составляет пресловутый «код Шекспира». Что же, наверное, такой и должна быть глубинная природа гения – быть одновременно всем понятным и никем до конца не понятым.

В коротком эссе нет возможности рассказать обо всех идеях и гипотезах, изложенных в книге, поэтому более подробно остановлюсь лишь на авторской интерпретации одной пьесы – «Ромео и Джульетта».

– Правильно ли мы понимаем содержание шекспировских произведений? – задает вопрос Н.Гранцева. – Может быть, автора «Гамлета» более всего интересовал не вопрос «Быть или не быть?», не трагедия бессмысленности мщения, а проблема захвата чужой собственности? «Ромео и Джульетта» тоже имеет скрытый, второй смысл. Все знают, что пьеса рассказывает нам о любви, но, может быть, все далеко не так просто?

В знаменитой пьесе действительно много «темных мест», что отмечали многие исследователи. Лично меня больше всего заинтересовала фигура второстепенного персонажа – Эскала, герцога Вероны. Зачем Шекспиру понадобилось выводить на сцену этот образ? Лично мне герцог представлялся этаким добряком, умным и просвещенным правителем эпохи Возрождения, который безуспешно пытается навести порядок в своем маленьком княжестве. Человеком, могущество которого скорее номинально, чем реально, и который предстает своего рода символом того, что никакая власть не в силах совладать с людскими страстями (или, быть может, того, что чувства сильнее и разума, и трона?). И, конечно, он нужен для того, чтобы произнести хорошо знакомые нам всем слова о том, что «нет печальней повести на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте».

Но так ли это на самом деле? Анализ содержания пьесы, проведенный автором книги, показывает, что дело обстоит с точностью до наоборот и правитель Вероны – если и не главное действующее лицо, то кто-то вроде кукловода, теневого вершителя судеб героев пьесы. Эскал, конечно, – не властолюбивый Макбет и не сумасбродный Лир, но и он действует как умелый политик, не понаслышке знакомый с принципами Макиавелли. Который учил

тому, что правитель, князь «должен быть всегда готов обернуться в любую сторону, смотря по тому, как веют ветры и колебания счастья, и не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо»³. Обратим внимание и на следующие слова Макиавелли: правителю «следует очень мало считаться с прозвищем скупца, потому что это один их тех пороков, благодаря которым он царствует... ничто так не истощает себя, как щедрость»⁴.

В самом начале пьесы происходит первая стычка между кланами Монтекки и Капулетти, в которой принимают участие стражники. «Эй, топоры, дубины, алебарды! Бей их! Бей Капулетти! Бей Монтекки!» – кричит пристав. Создается впечатление, что представитель власти, задачей которой является обеспечение мира и порядка в городе, настроен далеко не миролюбиво и даже вносит свой вклад в эскалацию конфликта. Как же на это посмотрит его хозяин, правитель Вероны? Вскоре появляется и он сам и немедленно изливает на зачинщиков драки свой гнев: «Бунтовщики! Кто нарушает мир? Кто оскверняет меч своей кровью ближних? Не слушают! Эй, эй, вы, люди! Звери!» Из слов герцога явствует, что и до этого главы кланов Монтекки и Капулетти уже три раза «смущали мир на улицах Вероны», устраивали «междоусобья и кровопролитья». Не слишком ли долго Эскал терпит эти распри и как, если уж он настолько терпимый и мягкий человек, ему удастся удерживать власть в городе, напоминающем бурлящий страстями котел? А что, если герцог вообще не заинтересован в прекращении конфликта?

Если так, то в чем тогда заключался его интерес? Давайте вспомним, чем заканчивается пьеса. «Доны» Монтекки и Капулетти в очередной раз предстают перед судом герцога. Монтекки во искупление своей вины обещает воздвигнуть статую из золота, которая «напоминает вновь Джульетты бедной верность и любовь», Капулетти в свою очередь говорит, что «Ромео статую воздвигну рядом: ведь оба нашим сгублены разладом». Оба вельможи, что называется, «откупились» от суда герцога пожертвованием во славу Вероны. Но на самом деле, как считает автор, планы правителя идут намного дальше украшения столицы; его цель – имущество, которое находится в собственности семейств. Макиавелли учил, что «князь должен стараться избегать таких дел, которые вызвали бы к нему ненависть и презрение», и что, в первую очередь, «не следует трогать имущество и честь людей». Все так, но для политика-макиавеллиста, целью которого является сохранение власти, это означает лишь то, что для достижения сво-

их целей следует употреблять не просто грубую силу, но и хитрость. «Люди больше судят на глаз, чем на ощупь», а значит, для большинства, толпы (а в мире большой политики «нет ничего, кроме толпы» – писал многомудрый флорентиец) намного важнее не сама добродетель, а ее видимость, соблюдение внешних приличий. Гипотеза автора книги, основанная на детальном анализе поступков и слов персонажей пьесы, а также хронологии происходящих в ней событий, заключается в том, что трагическая развязка «Ромео и Джульетты» – это своего рода «пьеса в пьесе», пересказанное сновидение, на самом же деле все происходило совсем не так.

Женитьба Ромео на Джульетте не была нужна никому, кроме самого Ромео, и чтобы разрушить этот брак, была затеяна многоходовая интрига, в которой принимали участие, кроме самого герцога, граф Парис, его родственник и монах Лоренцо. В итоге главные герои не погибли, и Джульетта связала свою судьбу с Парисом. Старому Капулетти было лестно породниться с семьей правителя (вспомним, с какой яростью он выступал против брака дочери с Ромео), и, что самое важное, это было выгодно самому герцогу: Джульетта была единственной наследницей рода, поэтому имущество Капулетти в перспективе переходило к семье правителя Вероны. Ромео, вопреки тому, что было описано в пьесе, тоже не погиб; с ним и его кланом была заключена некая договоренность, и молодому человеку оплатили учебу в престижном университете Падуи, куда он и отправился. Таким образом, как утверждает автор, «перед нами сценарий блестяще проведенной операции по умножению «недвижимости» правителя.

Перед нами две альтернативных версии прочтения пьесы: романтическая, признанная канонической, и прозаическая. Читатель, безусловно, хочет верить в первую, и поэтому предоставим ему право, подробно ознакомившись с обоими, самому решить, какая из них верна. Отметим, что книга попутно развеивает и еще один миф – о ревнивом мавре и целомудренной Дездемоне. Заговор против мавра, закончившийся его гибелью, действительно существовал, однако главным его организатором был не злобный Яго (которого поэт Кольридж даже назвал идеологом «ягоизма» – высшей, законченной формы человеческого эгоизма), а сама Дездемона, организовавшая убийство мужа с целью завладеть его владениями на Кипре.

Пожалуй, я все-таки не могу не упомянуть и об авторской трактовке знаменитого «Гамлета». Нельзя не согласиться с тем, что одним из последствий ис-

тории принца «является переход власти и контроля над территориями в другие руки». Может быть, в этом и есть ключ к расшифровке тайны пьесы?

Многих удивляет то, что Гамлет, первый интеллигент средневековья, умирая, просит вручить датскую корону бравому вояке Фортинбрасу, представителю норвежской династии, с которой смертельно враждовал его отец.

Мое собственное объяснение и этого факта, и личности Гамлета (признаюсь, не слишком оригинальное) заключалось в том, что как «деятель», практический политик, менеджер принц оказался несостоятелен и в финале пьесы сам понял это. «Слова Гамлета глубоки и яркие, но действия его то опрометчивы, то ничтожны и чаще всего лунатичны»⁵, – справедливо пишет Иннокентий Анненский. Большую часть пьесы герой не действует, а говорит, и когда начинает действовать, поступки его асимметричны или неадекватны. Он случайно убивает царедворца и шпиона короля Полония, что приводит к безумству его дочери Офелии, в которую принц был влюблен; обрекает на смерть бывших друзей, сотоварищей по учебе в Виттенберге Розенкранца и Гильденстерна и вступает в смертельную схватку с Лаэртом, сыном Полония. На пути мщения Гамлет оставил семь трупов и сам стал восьмым, – справедливо замечает Н. Гранцева.

«Познание убивает действие, для последнего необходимо покрывало иллюзии», – писал Фридрих Ницше. Принц был создан для познания, но родился не в то время и не в том месте («Порвалась связь времен»). Его стихия – рассуждения, мысли и слова (вспомним знаменитую фразу «слова, слова, слова»). Странные игры разума Гамлета не подчинены какой-то конкретной цели, например, свержению с престола короля, они имеют «всеобщий смысл». Мысль, как страсть, наваждение, вождение и обсессия, владеет всем существом принца, и он не в силах противостоять ее соблазну. «Нельзя различить до конца, что Гамлет сам делает и что с ним делается, он ли играет безумием или оно им»⁶, – пишет Выготский. Гамлет обречен: оставаясь в рамках созданного им иллюзорного и призрачного мирка, самостоятельно, без советчиков и учителей пытаясь понять тайны бытия, человеческих судеб, жизни и смерти (друг Горацио в этих вопросах ему явно не помощник), погружаясь в материи, в сущности, не подвластные человеческому разуму, он неотвратимо впадает в безумие; пытаясь же вырваться из заколдованного круга, в который попал, и заявляя себя как человек действия, принц вторгается в

сферу практической жизни и политики, для которой не создан; он совершает ошибку за ошибкой и становится виновником множества смертей. Неудивительно, что с точки зрения некоторых исследователей Гамлет – носитель зла и посланец темных сил. «Милый принц», воплощение «всего лучшего, что есть в этом мире», был добр и желал всем добра, но принес смерть и разрушение – вспомним финальную сцену и слова Фортинбраса, сравнившего место действия с полем боя. Согласно одной из выдвинутых гипотез, на примере Гамлета, равно как и других героев своих пьес, Шекспир показал, что любая страсть как проявление «воли к жизни», независимо от того, является ли она созидательной или деструктивной, возвышенной или низменной, благородной или эгоистичной, замкнутая на самой себе, неограниченная в своем осуществлении, говоря словами философа, «в себе и для себя», является по своей глубинной сути одновременно и формой «влечения к смерти». Не случайно литературовед Блум писал, что «в некотором смысле именно Шекспир создал психоанализ, изобразив работу человеческой души», и что открытия, сделанные Фрейдом, меркнут рядом с трудами драматурга.

Решение же Гамлета отдать свой голос за Фортинбраса, на мой взгляд, стало результатом неосознанного преклонения «человека слова» перед «человеком дела», который в своих поступках руководствуется принципом «делай что должно, и пусть будет что будет».

Н. Гранцева предлагает собственную версию «Гамлета». Согласно ее гипотезе, в этой пьесе тоже действует кукловод, столь же незаметный и столь же всезудущий, как правитель Вероны из «Ромео и Джульетты». Это пресловутый «друг Гамлета», Горацио, фигура странная и загадочная. Именно он и является, с ее точки зрения, автором пьесы (точнее – человеком, которому Шекспир адресует ее авторство), и нельзя не вспомнить, что именно к нему обращены слова принца: «Дыши в суровом мире, чтоб мою повесть повесть».

Но чего же добивался Горацио и действовал ли он по своей воле или исполнял некую тайную миссию? Тут автор книги в определенной степени мыслит в унисон с писателем Б. Акуниным (в пьесе которого Горацио выступает как агент принца Фортинбраса), однако в интерпретации Гранцевой друг Гамлета выступает агентом не норвежского принца, а более высокой инстанции – Римского престола. И не случайно ему дано имя Горация, древнеримского поэта, – человека,

близкого к римскому цезарю Августу (тот, как известно, предлагал ему место своего личного секретаря, которое поэт отверг). Специалист по античности М. Гаспаров писал, что «Гораций обладал парадоксальным искусством развивать одну тему, говоря, казалось бы, о другой», и что «сквозь любую тему у Горация просвечивает противоположная»⁷. Н. Гранцева показывает, что слова шекспировского Горацио, как и слова Гамлета, достаточно непросты и нуждаются в расшифровке. Целью тайной операции, активное участие в которой принимали французы, было устранение с престола узурпатора Клавдия. Между прочим, для его свержения предполагалось использовать и Лаэрта, долгое время жившего во Франции и близкого к тамошнему двору, однако он оказался слишком горяч и непредсказуем. Его мятеж не удался, и тогда на первый план вышел Гамлет, который выступал в роли «крота» – агента Горацио. Что, отметим, не противоречит версии о принце как «человеке слова», поскольку действия, которые он предпринимал (во всяком случае, некоторые из них), направлялись чужими руками. И снова большая политика? Именно так. Стоит обратить внимание на слова Э. Брентона, – между прочим, по профессии дипломата, то есть человека, не понаслышке знакомого с политическим закулисным: «По своему опыту скажу, что не знаю драматурга, обладающего более ясным и пронизательным видением политики, чем Шекспир. Он не имеет себе равных в знании того, как борются за власть, захватывают и используют ее»⁸.

А теперь – главный сюрприз, о котором рассказывается во второй части. Из названия книги следует, что под маской Шекспира скрываются русские. Но значит ли это, что великий английский драматург Шекспир был на самом деле русским? Насколько мне удалось понять, все обстоит сложнее. Первыми, как это ни удивительно, русский след в наследии Вильяма Шекспира нашли сами британцы.

«Быть может, я имею в виду некоего русского кандидата в Шекспиры? Скажем, дьяка или скормороха, бежавшего из Москвы Ивана Грозного и очутившегося вместе со свитой какого-либо посольства в Англии. Пораженный странностями островного существования, он увидел все в необычно ясном и точном – шекспировском! – свете», – писал уже упомянутый Э. Брентон, дипломат, служивший в 90-е годы XX века послом Великобритании в России⁹.

Это пока всего лишь предположение, гипотеза, а для науки важны доказательства. Казалось

бы, Англия шекспировской эпохи и Россия были бесконечно далеки друг от друга. На самом деле это не совсем так. «К концу XVI столетия взаимное ознакомление обеих стран, Англии и России, достигло уже значительных успехов. Между ними шел непрерывный обмен посольствами, людьми... торговые связи крепили и разрастались. Все это неизбежно вело к обоюдному культурному взаимодействию, к взаимовлиянию во всех областях жизни», – писал историк М.П.Алексеев¹⁰. Контакты между обеими странами, начавшиеся при Иване Грозном, продолжились и в эпоху Бориса Годунова. Современники пишут, что одной из целей Бориса было привить в России западное образование. Вот что говорит об этом историк Карамзин: «В усердной любви к гражданскому образованию Борис превзошел всех древнейших Венценосцев России, имев намерение завести школы и даже Университеты, чтобы учить молодых Россиян языкам Европейским и *Наукам*. Но оставив мысль заводить *Университеты* в России, Царь послал 18 молодых *Боярских людей* в Лондон, в Любек и во Францию, учиться языкам иноземным так же, как молодые Англичане и Французы ездили тогда в Москву учиться Русскому»¹¹.

Есть ли в произведениях Шекспира какие-либо свидетельства того, что великий бард знал о существовании Московии и был знаком с нравами и обычаями ее обитателей? Они существуют, пусть их и не так много, как нам бы этого хотелось. Наиболее известное из них – это слова героини пьесы «Зимняя сказка» Гермионы (не правда ли, знакомое имя?) о том, что она дочь императора России («The Emperor of Russia was my father»); в русском переводе слово император обычно заменяют на слово «царь» (Россия стала империей намного позже, при Петре, так что можно говорить о даре предвидения, присущем Шекспиру). Слова эти, по мнению Гранцевой, не являются случайными, потому что основой сюжета «Зимней сказки» послужили события из истории Смутного времени России. Шекспироведы усердно ищут в творчестве Шекспира то, что могло бы стать ключом к разгадке тайн его творчества – а в том, что они существуют, кажется, не сомневается ни один из них. Автор книги, в свою очередь, пришла к выводу, что таким ключом, своего рода декодером наследия великого барда является сюжет одного из наименее известных его произведений – комедии «Бесплодные усилия любви».

В чем заключается сюжет этой пьесы и почему

она настолько важна? Фердинанд, король Наварры, хочет посвятить себя науке и отказаться на время от мирских утех и общения с женщинами; он ждет от своих приближенных, чтобы они последовали его примеру: «Бирон, Дюмен и Лонгвиль, все вы трое клялись три года разделять со мною труды ученые и исполнять устав, начертанный на этом свитке». Обет держится недолго, поскольку практически сразу же с дипломатической миссией (ее цель – решение вопроса о спорных территориях между Францией и Наваррой) в Наварру приезжает французская принцесса.

Далее начинаются сами переговоры; поскольку все герои молоды, жизнерадостны и свободны, они сопровождаются флиртом, объяснениями в любви, подарками и переодеваниями. Влюбленный Фердинанд хочет немедленно жениться на принцессе, а его придворные делают предложения ее фрейлинам. Однако к принцессе приходит известие о смерти отца, и она прерывает визит. Девушки обещают выйти замуж за молодых людей через год, если те не изменят своих чувств и будут вести себя образцово («в приют заброшенный уединитесь, от всякого веселья удалитесь», – говорит принцесса Фердинанду).

Считается, что под именем Фердинанда изображен принц Генрих Наваррский, будущий король Франции Генрих IV; его спутники тоже носят имена реальных исторических лиц, сподвижников или современников Генриха. Французская принцесса – это Маргарита Валуа, будущая жена короля (она же – королева Марго из романов Дюма). Среди других примечательных лиц, выведенных в пьесе, – дон Адриано де Армадо, чудакватый испанец, отец Франанаил, священник, и Олоферн, школьный учитель.

Почему же пьеса носит название «Бесплодные усилия любви», если в реальности сватовство Генриха оказалось успешным (пусть даже этот брак и не оказался прочным)? вспомним, что говорит один из ее персонажей, Бирон: «Конец совсем другой бы должен быть, как в фарсах: Жанну получает Жак; а дамы все устроили не так». «В конце пьесы король и его придворные, замаскированные «москвитами», терпят полное поражение от принцессы и дам ее свиты», – справедливо заключает П. Морозов¹².

Может быть, у героев пьесы были другие прототипы? вспомним, что сама Елизавета, королева-девственница, благодаря своему высокому положению считалась одной из наиболее завидных невест Европы. Она получила множество предложений руки и сердца от высокопоставленных женихов – таких, как король Испании

Филипп II, шведский принц Эрик, эрцгерцоги Фредерик и Карл Габсбург, принц Франсуа Алансонский, брат короля Франции (который был моложе Елизаветы на 20 лет), и долгое время всем им морочила головы, так и не выйдя замуж. Числился среди женихов королевы и русский царь Иван Васильевич (между прочим, разозлившись на Елизавету, в одном из своих писем он назвал ее «пошлой девицей»). Именно это сватовство Грозного, по мнению Э. Brentона, могло послужить основой для знаменитого «русского» эпизода в комедии (отметим, что Грозный, получив фактический отказ Елизаветы, продолжил поиски английской невесты и начал свататься к ее родственнице, знатной даме Мери Гастингс)¹³.

Что же это за эпизод, о котором упоминает дипломат? Предварительно сговорившись, герои «Бесплодных усилий» во главе с королем пришли на встречу с принцессой и ее свитой в русских костюмах («Престранный маскарад! Все – москвиты, русские, на взгляд»). «Московии посланцы приятно говорили и шутили», – так описывает этот визит сама принцесса.

Как будто бы речь идет о маскараде и кавалеры из Московии – поддельные, ненастоящие (что само по себе уже говорит об интересе тогдашних европейцев к России). Но так ли это на самом деле? По мнению автора книги, никакого переодевания не было, – москвиты были настоящими, а не ряжеными, сам же сюжет пьесы Шекспира был не выдумкой, а хроникой реально имевших место событий под маской комедии. Но хроникой каких событий он, в таком случае, являлся?

Карамзин пишет, что, узнав про намерение Бориса женить сына, Елизавета предлагала ему руку знатной одиннадцатилетней англичанки и просила, чтобы царь не искал другой супруги для юного Федора. Осторожный Борис «хотел прежде знать, кто невеста и родня ли Королеве, уверяя, что многие великие государи требуют чести соединить браком детей своих с его семейством. Кончина Елисаветы, столь знаменитой в летописях Британских, достопамятной и в нашей истории долговременною приятною к России, устранила дело о сватовстве»¹⁴.

Итак, был и еще один «русский след» – несостоявшееся сватовство Федора, сына царя Бориса. Но действительно ли оно не состоялось или попытка (по-видимому, тщетная) все-таки была? Автор книги уверен в последнем. Мы уже говорили о «западничестве» Годунова. По его приказу «выбрали несколько молодых людей и отправили одних в Любек, других в Англию, некоторых во

Францию и Австрию учиться... С английским купцом Джоном Мерриком отправлены были в Лондон четверо молодых людей «для науки разных языков и грамотам»¹⁵. Как свидетельствуют документы, в июле 1602 года английский корабль с русскими студентами на борту отчалил из Архангельска и в сентябре достиг берегов Британии. Джон Меррик представил их королеве, и мальчиков было решено направить для обучения в престижные британские колледжи. Известны имена четверки москвитов: Микифор Олферьев, сын Григорьев; Софон Михайлов, сын Кожухов; Казарин Давыдов; Федор Костомаров.

А теперь – сенсация! По мнению Н. Гранцевой, одним из студентов был не кто иной, как царевич Федор, сын Бориса Годунова, который был послан в Британию под именем недоросля Федора Костомарова. Именно он и был выведен в пьесе в образе Фердинанда – короля Наварры. Чудаковатый испанец, дон Адриано де Армадо – это британский посол Джон Меррик, более известный в России под именем купца Ивана Ульянова, сопровождавший московитских студентов.

Джон Меррик, купец и дипломат, – личность достаточно примечательная. Историк С. Ф. Платонов охарактеризовал его как «лицо замечательное по способностям и любопытное в бытовом отношении». В отличие от прочих приезжавших в Россию британцев, он хорошо знал и страну, и ее язык. Его отец Уильям (именно поэтому английского посла в России чаще всего называли Иваном Ульяновым) был одним из первых управляющих московской компании, и Джон еще ребенком оказался в России. На прощальной аудиенции у царя Михаила Федоровича в 1617 г. он сказал, что «у себя я в Английской земле родился, а на Руси взрос; столько хлеба не едал в своей земле, сколько в Московском государстве...». Известно, что он четырежды исполнял посольские обязанности (в т. ч. и в 1602 году)¹⁶.

По версии автора книги, новоиспеченные русские студенты вместе с сопровождавшими их лицами (в числе которых был и Джон Меррик) были размещены в одном из колледжей, где прошли начальную программу обучения (своего рода «курс молодого бойца»). Там их и посетили девушки из монастырской школы, среди которых была невеста Годунова («французская принцесса»). Возможно, ею была та самая юная особа, о которой говорила Елизавета, но не исключено, что речь идет о другой знатной девушке (Н. Гранцева предполагает, что ею была некая родственница Джона Меррика).

Некоторые из мужских персонажей «Бесплод-

ных усилий любви» появляются и в других пьесах Шекспира, в частности, в комедии «Сон в летнюю ночь».

У всех, кто ознакомился с этой гипотезой, сразу же возникает целый ряд серьезных вопросов; главный из них, конечно, связан с личностью Федора Годунова. О его путешествии в Англию нет никаких свидетельств; более того, историки утверждают, что после смерти отца он на короткое время вззошел на московский престол и был убит заговорщиками. «Молодой Федор боролся отчаянно; наконец одному из убийц удалось умертвить его самым отвратительным образом; народу объявили, что царица Марья и сын ее со страху отравились», – пишет С. М. Соловьев. Да и как удалось бы скрыть от общества такое невиданное для русских людей XVII века событие, как отъезд царевича за границу?

Возникают и другие вопросы. Пьеса традиционно датируется серединой 1590-х годов, а московские недоросли приехали в Англию на несколько лет позже, в 1602 году. Ее герои – пусть и молодые, но уже зрелые по меркам того времени люди, в то время как Федору Годунову в 1602 году не было еще и 14 лет.

Сразу же отмечу, что на все возникающие вопросы Гранцева дает аргументированные и достаточно подробные ответы. В частности, она считает, что у царя Бориса были достаточно серьезные причины для того, чтобы отправить наследника за границу, и предполагаемая женитьба на знатной английской леди – только одна из них. Что же касается традиционной версии историков об убийстве Федора в Кремле, то она, равно как и другие значимые события истории Смутного времени, была фальсифицирована хроникерами по приказу новой династии, сменившей Годуновых на престоле, – Романовых. Убедят ли читателей доводы автора – решать им самим.

Известно, что после обучения никто из студентов не вернулся обратно в Россию. Олферьев стал англиканским священником, приняв имя Микипер Алфери. Кожухов пошел на службу в Ост-Индскую компанию и погиб в 1617 г. в морском бою. Его примеру последовал Казарин, который попал в плен к датчанам; Костомаров же был послан в Ирландию в качестве королевского секретаря (что само по себе кажется достаточно странным); сведений о нем как будто не сохранилось, известно лишь, что в 1618 г. он женился.

Главной причиной «невозвращения» москвитов (принадлежащих, несомненно, к знатным родам) были, по-видимому, события Смутного времени и приход к власти царей из рода Романовых.

Представители новой власти неоднократно и настойчиво требовали вернуть своих граждан, которых, как они утверждали, насильственно задерживали на острове. Англичане ответили отказом, ссылаясь на то, что упомянутые лица находятся вне пределов их досягаемости. Русскому послу удалось встретиться лишь с новоиспеченным Микипером Алфери, выпускником Кембриджа, но и тот наотрез отказался ехать на родину. После обучения никто из них не вернулся обратно в Россию. Чем же были так важны для Романовых эти студенты (относительно которых даже содержалось специальное упоминание в письме царя Михаила английскому королю)?

Быть может, это объясняется тем, что в их числе был Федор Костомаров (Годунов) и они боялись, что его как законного наследника прошлой династии могли использовать в политических играх против новой власти (подобно тому, как использовалось имя царевича Дмитрия)?

И действительно, в Англии одно время всерьез рассматривался проект английского протектората не только над северными территориями Руси, где располагались их торговые фактории, но и над другими русскими землями, не занятыми поляками и шведами (в частности, Поволжье, через которое проходил торговый путь в Персию). Документы свидетельствуют, что английский король Яков I «был увлечен планом послать армию в Россию, чтобы управлять ею через своего уполномоченного». Автором этого проекта был все тот же неугомонный Джон Меррик, который сообщал в Лондон, что сами русские начали переговоры с англичанами о возможности протектората, и утверждал, что среди местного населения найдутся те, кто поможет войскам его величества занять стратегически важные города («пятая колонна»!). В начале 1613 года английская власть приняла решение направить в Москву своих уполномоченных для окончательного решения вопроса, но когда они прибыли к месту назначения, ситуация коренным образом изменилась, и у русских снова появился законный царь¹⁷. Имеются сведения, что заинтересованные лица с английской и русской сторон пытались даже уничтожить компрометирующие их документы. Следует отметить, что триста с небольшим лет спустя, в период следующей российской смуты, история повторилась, перейдя уже в плоскость реальной политики, и английские войска заняли Архангельск.

Опасность дестабилизации положения в стране по-прежнему сохранялась, и поэтому Москва стала требовать возвращения бывших студентов,

ставших политэмигрантами, опасаясь их сотрудничества с враждебными России силами, впрочем, безуспешно.

Так что же с Шекспиром? Был ли им Федор Костомаров-Годунов? «Федор... по отзыву современников, хотя был и молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественнословию... Борис, первый из царей московских, расширил для своего сына круг занятий, которым ограничивались при воспитании русских людей: так, известна карта Московского государства, начерченная рукою Федора», – писал С. М. Соловьев¹⁸.

Между прочим, отметим, что царевич Федор вошел в историю русской картографии: им была составлена одна из первых карт России, изданная в Амстердаме в 1613 году видным картографом того времени Гесселем Герритсом; несмотря на то что она содержит некоторые неточности, это был значительный вклад в картографию России того времени (с точки зрения Н. Гранцевой – еще один аргумент в подтверждение того, что Федор не погиб, а продолжил жизнь в эмиграции).

Но такое лестное для русских предположение, несмотря на все достоинства Федора, придется отклонить хотя бы просто потому, что Федор был еще слишком юн. Тем не менее он тоже причастен к наследию великого барда, поскольку был одним из главных героев истории, положенной в основу фабулы «Бесплодных усилий любви».

Где же тогда кроются русские корни Шекспира?

Сам Уильям Шекспир – реальный человек, родившийся в Стратфорде-на-Эйвоне и служивший в театре «Глобус», как считает Н. Гранцева, мог быть соавтором и продюсером сценических текстов приписываемых его перу пьес. Но главная роль в их создании принадлежала другим людям – по-европейски образованным знатокам риторики и грамматики, членам московской миссии, которых автор называет «безвестными сотворцами великого барда».

Н. Гранцева высказывает предположение, что ими были один из персонажей «Бесплодных усилий любви» комический испанец дон Адриано де Армадо (он же герцог Тезей из пьесы «Сон в летнюю ночь») и Микифор Олферьев (он же Олоферн, учитель грамматики) – хотя и упомянутый среди четверки студентов, но скорее не ученик, а учитель, сопровождавший недорослей (на самом деле – Григорий Алферов). Роль остальных московитов пока еще недостаточно ясна и может послужить предметом дальнейших исследований.

Вспомним, что говорит про де Армадо король Фердинанд: «Он искушен во всех новинках моды; сентенциями мозг его набит; он из людей, которых опьяняет звук собственных речей, как сила чар; и правый, и неправый избирает его судьей в решение разных свар».

Что же, вполне достойная кандидатура на роль соавтора великого драматурга!

Итак, перед нами еще одна версия того, кто скрывается под маской Шекспира. Версия, которая льстит нашему самолюбию, и лично мне очень хочется, чтобы она оказалась правдой. Шекспир – русский, пусть и отчасти... и слова эти ласкают слух.

Несколько слов о достоинствах и недостатках книги. Поражают удивительная эрудиция автора, увлекательность стиля, в котором она написана, и смелость, с которой Н. Гранцева строит гипотезы, от которых у читателя может закружиться голова. Обращает на себя внимание и еще одна, чисто женская черта – внимание к деталям, о котором говорил еще один знаменитый англичанин – сыщик Шерлок Холмс. Имя Холмса, великого детектива, возникло не случайно, потому что книга Гранцевой – это не просто литературоведческий труд, но и настоящий интеллектуальный детектив, с той разницей, что следить за ходом проводимых автором расследований намного интересней, чем листать страницы дежурного детектива из тех, что десятками лежат на прилавках книжных магазинов. Выводы же автора, сделанные на основе прочитанных по-новому текстов пьес Шекспира, попросту ошеломляют.

Вы скажете, что они парадоксальны? Некогда популярная «новая хронология» отвергала подлинность многих событий классической истории на том основании, что они слишком фантастичны и неправдоподобны. Но правда заключается в том, что сама жизнь, история полна чудес и парадоксов.

От себя замечу, что тесное переплетение английской и русской истории – это не выдумка, а реальность. Изучая биографию знаменитого автора «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, я наполнил в шутку, наполовину всерьез выдвинул идею о том, что Робинзон, путешествуя по Китаю и России (чему посвящена значительная часть продолжения романа), выполнял разведывательную миссию (то есть был, подобно его автору, не просто путешественником и купцом, но и британским шпионом).

Дефо живо интересовался тем, что происходит в России, и, среди прочего, написал книгу о Петре Алексеевиче, царе Московии, в которой боль-

шое внимание уделил конфликту между царем Петром и его сыном, царевичем Алексеем. Между тем в это же время в ганноверском семействе, которое унаследовало английский престол после смерти королевы Анны, также происходили драматические события, пусть и не завершившиеся столь трагической развязкой. Кто-то из историков заметил, что Дефо, который не мог по цензурным соображениям ворошить «грязное белье» правящего дома Англии, обратился к московитской истории еще и затем, чтобы, рассказав о «скандале в благородном семействе» далекой и, казалось бы, совершенно чужой для них страны, дать читателям возможность самим делать выводы о содержащихся там аллюзиях.

Следует признать, что Гранцевой удалось совершить практически невозможное. Ее гипотеза оставляет в неприкосновенности (пусть и не совершенной) традиционную стратфордианскую (то есть отстаивающую приоритет уроженца Стратфорда) версию – Шекспир был если и не главным автором, то, несомненно, соавтором пьес, выпущенных под его именем. И в то же время она позволяет, говоря словами биографа Шекспира, осуществить решение шекспировского вопроса в духе мягкого антистратфордианства... склоняющегося в пользу коллективного авторства¹⁹.

При этом версия, изложенная в книге, является, во-первых, именно антистратфордианской, потому что отрицает ведущую роль уроженца Стратфорда, а во-вторых, оригинальной и самобытной, не повторяющей иные, ранее предложенные. Отметим, что на шумевшая гипотеза И.Гилилова, утверждающего, что под маской Шекспира скрывался граф Рэтленд, представляет собой что-то вроде римейка теории, выдвинутой на Западе намного раньше, еще в XIX веке (впрочем, дополненной новыми доказательствами и фактами), и выглядит новацией лишь для российского читателя, плохо знакомого с последними (и даже предпоследними) теориями шекспироведов²⁰.

Чем же на самом деле является книга Н. Гранцевой? На мой взгляд, это продолжение «игры об Уильяме Шекспире», в которой автору – опять-таки – удается, ступая по тонкой грани, создать произведение, являющееся одновременно литературоведческим трудом, детективным расследованием, экскурсом в историю двух стран и, наконец, сочинением на темы альтернативной истории. Конечно, кроме фактов и доказательств, в ней есть элементы художественного произведения. Добавлю, что их не может не быть просто по-

тому, что реальная история той далекой эпохи слишком запутана, темна и скупа на факты, и наполнить ее плотью и кровью можно лишь в том случае, если использовать силу человеческого воображения.

Убедят ли вас до конца доводы автора книги, не знаю. В чем-то они показались мне достаточно весомыми, где-то оставили серьезные сомнения. В ряде случаев элемент альтернативной истории был заметен, и складывалось впечатление, что автор рассказывает скорее не о том, как было, а о том, как все могло бы происходить. Впрочем, может быть, соединение этих двух стихий – пространства хроники и факта (который зачастую тоже является продуктом чьего-то вымысла) и царства воображения, фантазии и есть одно из самых перспективных направлений развития науки историй?

Сама Н. Гранцева признает, что в этой книге не содержится истина в готовом виде и она излагает только одну из возможных гипотез, которая основана на базе изучения лишь нескольких пьес Шекспира.

Так что – читайте книгу Н. Гранцевой и, конечно же, читайте сочинения самого великого барда. И уверяю, что вас ждет множество открытий!

**Санкт-Петербург
2018 г., январь**

Примечание

- ¹ Наталья Гранцева. «Герои России под маской Шекспира» (СПб, 2015).
- ² Levi P. The Life and Times of William Shakespeare. N.Y. 1988.
- ³ Никколо Макиавелли. Князь. – В «Книга государя»: СПб, Амфора, 2016. С.240.
- ⁴ Никколо Макиавелли. Князь. – В «Книга государя»: СПб, Амфора, 2016. С.232-233.
- ⁵ Иннокентий Анненский. Вторая книга отражений.
- ⁶ Лев Семенович Выготский. Психология искусства.
- ⁷ М.Гаспаров. Поэзия Горация. – Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. – М., 1970.
- ⁸ Э.Брентон. Шекспир – русский. Вопросы литературы, №4, 2007.
- ⁹ Э.Брентон. Шекспир – русский. Вопросы литературы, №4, 2007.
- ¹⁰ М.П.Алексеев. Шекспир и русское государство XVI-XVII вв.
- ¹¹ Н.М.Карамзин. История государства Российского. Том 11. От Бориса Годунова до Лжедмитрия. 1598–1606 гг. Глава I. Царствование Бориса Годунова.
- ¹² Морозов П.О. Бесплодные усилия любви – Шекспир В. Полное собрание сочинений. Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Т. 1, 1903.
- ¹³ Э.Брентон. Шекспир – русский. Вопросы литературы, №4, 2007.
- ¹⁴ Н.М.Карамзин. История государства Российского. Том 11. От Бориса Годунова до Лжедмитрия. 1598–1606 гг. Глава I. Царствование Бориса Годунова.

¹⁵ С.М.Соловьев. История России с древнейших времен. Том 8. Глава первая. Царствование Бориса Годунова.

¹⁶ О.В.Скобелкин. Служилые иноземцы и деятельность Джона Меррика в России (1614–1617).

¹⁷ Смута. Гости в роли хозяев. Петр Романов. Россия и Запад. От Рюрика до Екатерины II.

¹⁸ С.М.Соловьев. История России с древнейших времен. Том 8. Глава первая. Царствование Бориса Годунова.

¹⁹ И.Шайтанов. Шекспир. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 131

²⁰ И.Гилилов. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна великого феникса. М.: Издательство «Артист. Режиссер. Театр».1998.

